

О содержании и составе «Слова о Законе и Благодати»[♥]

Невозможно не удивляться тому, как быстро после официального приобщения древнерусского государства в конце X века к христианской религии русское общество в лице лучших своих представителей усвоило культуру христианской Европы, — византийскую и южнославянскую, но отчасти и культуру латинского мира. Поистине поражает интенсивность, широта и глубина восприятия русичами всего, что несло в себе христианство, — мысли, этики, эстетики, права, науки, творческого духа и искусства. Плоды этого восприятия проявились спустя всего лишь несколько десятков лет после крещения Руси, проявились весьма ярко и многообразно в архитектуре, живописи, законодательстве, в других сферах духовной деятельности. Но, конечно же, главным объектом интереса для русских неофитов стала книжность как сокровищница христианского знания. К середине XI столетия русские грамотники уже вполне владели всем созданным в древности и необходимым для жизни во Христе корпусом текстов и больше того, научились самостоятельно пользоваться основными формами средневекового литературного повествования, — историографического, агиографического, гомилитического, гимнографического. И дело не только в том, что перенесенные на русскую почву в переводном виде сочинения христианских авторов, будучи блистательными образцами для подражания, стимулировали собственное творчество русичей. Последнее было бы вряд ли возможно, если б ко времени принятия ими веры Христовой славянская книжная культура не прошла уже более чем столетний путь развития; если б в отличие от соседних романо-германских народов у славян не было общего для них всех и равно им понятного литературного (церковнославянского) языка; если б своя, исконная, устно-поэтическая традиция не выработала в течение веков различные жанрово-повествовательные формы, сопряженные с тонким искусством слова, — например, такие, как былина, сказка, баллада, лирическая песня, плач, поговорка и т. д. Несомненно, семена христианской культуры пали на «добрую землю». Свидетельством тому служат несколько замечательнейших литературных памятников, возникших в XI — начале XII в., например: «Повесть временных лет»¹, сказания о благоверных князьях Борисе и Глебе², «Житие преподобного Феодосия Печерского»³, «Поучение Владимира Мономаха»⁴. Но среди этих шедевров древнерусской словесности чистым светом разума и вдохновения сияет знаменитое «Слово о Законе и Благодати»⁵.

В древнерусских рукописных источниках эта удивительная речь традиционно для средневековья снабжена пространным названием: «О Законе, Моисеом данеем, и о Благодети и Истине, Иисус Христом бывший; и како Закон отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни, и вера въ вся языки простресея, и до нашего языка рускаго; и похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещени быхом; и молитва к Богу от всеа земля

[♥] Материал опубликован с таким же заглавием: Слово и культура. Сборник статей гуманитарных кафедр МГУКИ. М., 2009. С. 4-19.

¹ БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб.: «Наука», 1997. С. 62-315.

² Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. Д. И. Абрамовичем. Пг., 1915.

³ БЛДР. Т. 1. С. 352-433.

⁴ БЛДР. Т. 1. С. 456-475.

⁵ БЛДР. Т. 1. С. 26-61 (В дальнейшем текст памятника цитируется по этому изданию без ссылки на страницы).

нашеа. Господи, благослови, отче!⁶) (*О Законе, Моисеем заветанном, и о Благодати и Истине Иисуса Христа; а также о том, как Закона не стало, а Благодать и Истина всю землю собой наполнили, и вера во все народы распространилась и нашего народа русского достигла; и похвала кагану нашему Владимиру, которым мы крещены были; и молитва к Богу от имени всей земли нашей. Господи, благослови, отче!*⁷). Созданное в XI столетии, «Слово» сохранилось в нескольких десятках рукописных копий, древнейшая из них относится к концу XIV или началу XV в., но известен также фрагмент памятника по рукописи XII-XIII в.

Несмотря на то что среди древнерусских книжников означенное произведение было очень популярно и часто переписывалось, широкая научная общественность познакомилась с ним довольно поздно, лишь в 1844 г. Его первым публикатором и исследователем стал церковный историк и археограф А. В. Горский, впоследствии протоиерей и ректор Московской Духовной Академии, доктор богословия и член-корреспондент Императорской Академии наук. Текст произведения⁸ этот замечательный русский ученый нашел в рукописном сборнике XV в., разбирая книжную коллекцию Святейшего Синода (ныне ГИМ, Синодальное собр., № 591). В ней непосредственно к «Слову» примыкали ещё два текста — «Молитва» и «Исповедание веры»⁹ с завершительной записью от лица «мниха и прозвутера Илариона» относительно его посвящения в 1051 г. в Киевского митрополита. Последняя деталь, а также древнерусская рукописная традиция, и позволили Горскому атрибутировать «Слово» этому церковному деятелю.

К сожалению, об упомянутом иерархе сохранились лишь отрывочные сведения. Во-первых, «Повесть временных лет» в статье за 1051 г. сообщает, что одно время Иларион был священником в Свято-апостольской церкви в селе Берестовом под Киевом, загородной резиденции великого князя Ярослава Мудрого; что он был «муж благ, книжен и постник»; что на берегу Днепра он «ископа себе» для уединенной молитвы «печерку малу двусажену, где ныне ветхий монастырь Печерский», и что, наконец, именно его «постави Ярослав митрополитом»¹⁰. Во-вторых, в начале «Устава князя Ярослава о церковных судах» сообщается о том, что работа по внедрению в русскую жизнь правил «греческого номокануна»¹¹ велась князем совместно «с митрополитом Ларионом»¹². В-третьих, в «Житии преподобного Феодосия Печерского» имеется сообщение о некоем «черноризце Ларионе», который был «книгам хытр п(и)сати, сий по вся дни и нощи писааше книги в келии... Феодосия»¹³. Вот и все. В 1055 г. новгородский летописец упоминает уже другого киевского митрополита — Ефрема, грека по происхождению¹⁴. Какова дальнейшая судьба Илариона, не известно. Высказывалось предположение, что его жизнь закончилась в стенах Киево-Печерского монастыря, где он жил под именем

⁶ Здесь и далее текст памятника воспроизводится упрощенно: с заменой некоторых церковнославянских букв аналогичными им буквами современного русского алфавита и согласно правилам современной орфографии и пунктуации.

⁷ Здесь и далее автором настоящей статьи предлагается собственный вариант перевода текста памятника на современный русский литературный язык.

⁸ [Горский А. В.] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к Творениям св. отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2. С. 223-299.

⁹ «Исповедание веры» — как произведение не обозначенное в заглавии к «Слову» и, очевидно, отдельное и самостоятельное — здесь не рассматривается.

¹⁰ БЛДР. Т. 1. С. 196, 198.

¹¹ Номоканон — по-русски буквально «законно-правило», византийский сборник церковных определений и императорских указов относительно Церкви.

¹² Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 168-172 (текст краткой редакции Устава).

¹³ БЛДР. Т. 1. С. 394.

¹⁴ Летопись по сборнику Архивскому или Малиновского // Новгородские летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 3.